

Винокурова Лилия Иннокентьевна, Григорьев Степан Алексеевич

КОЧЕВЫЕ ОБЩЕСТВА ЯКУТИИ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ XX ВЕКА

В представленной работе авторами рассматривается история коренных кочевых сообществ Якутии в условиях социально-экономических и политических трансформаций XX в. В статье освещены важнейшие государственные инициативы по изменению социальных условий северных кочевников, а также обозначены основные результаты проводимой в их отношении политики. Отмечается, что традиционный образ жизни кочевых сообществ имеет глубокие исторические корни, и любые вмешательства несут в себе серьезные угрозы их этнокультурной устойчивости и сохранности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-1/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 1. С. 39-43. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

в свою очередь находят отражение в повседневной жизнедеятельности. Различия между социальными группами наиболее ярко отражены в их локусе ответственности. Для новаторов характерны рискованность, целеустремленность, уверенность в себе, общительность, предприимчивость. Именно на данную социальную группу должно быть обращено внимание правительства, а ценности новаторов – распространяться среди граждан, ведь современное российское общество нуждается в людях с активной жизненной позицией, способных преобразовывать социальную действительность, т.е. в новаторах.

Список источников

1. **Воробьева И. Н.** Измерение в социологии: проблема построения объективных шкал и расчета индекса на примере построения индикаторной модели стиля жизни // Череповецкие научные чтения – 2014: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 3-х ч. / отв. ред. Н. П. Павлова. Череповец: ЧГУ, 2015. Ч. 1. Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология. С. 31-34.
2. **Воробьева И. Н.** Стиль жизни как единица анализа социокультурного расслоения населения: индикаторная модель // Череповецкие научные чтения – 2013: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 4-х ч. / отв. ред. Н. П. Павлова. Череповец: ЧГУ, 2014. Ч. 1. Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология. С. 31-34.
3. **Мехова А. А., Воробьева И. Н.** Стиль жизни как фактор идентификации в структуре общества // Череповецкие научные чтения – 2012: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 3-х ч. / отв. ред. Н. П. Павлова. Череповец: ЧГУ, 2013. Ч. 1. Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология. С. 126-128.
4. **Сафарян А. В.** Стиль жизни // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 246-248.

TYPOLOGIZATION OF SOCIAL GROUPS ON THE BASIS OF LIFESTYLE

Viktorova Olga Viktorovna
Cherepovets State University
ooluk@mail.ru

The article is devoted to the problem of criteria for differentiation of the society. The author notes that the models developed earlier do not take into account many current tendencies in the development of the society and analyzes a new multidimensional model of stratification based on lifestyle. Typologization of groups according to the style of life is based on personal and behavioral characteristics, demanded by the modern society. Groups conditionally named “innovators”, “acting ones”, “traditionalists”, and “surviving ones” are singled out. The indicator model of lifestyle research is formed. The conclusions are confirmed by the results of an empirical study conducted on the basis of the indicator model of lifestyle.

Key words and phrases: lifestyle; social stratification; social differentiation; value orientations; innovation.

УДК 94(=1.571.56-81)"19"

Исторические науки и археология

В представленной работе авторами рассматривается история коренных кочевых сообществ Якутии в условиях социально-экономических и политических трансформаций XX в. В статье освещены важнейшие государственные инициативы по изменению социальных условий северных кочевников, а также обозначены основные результаты проводимой в их отношении политики. Отмечается, что традиционный образ жизни кочевых сообществ имеет глубокие исторические корни, и любые вмешательства несут в себе серьёзные угрозы их этнокультурной устойчивости и сохранности.

Ключевые слова и фразы: социальная история; кочевые сообщества; малочисленные народы Севера; Якутия; коллективизация; седентаризация; родовые общины; промышленное освоение.

Винокурова Лилия Иннокентьевна, к.и.н.

Григорьев Степан Алексеевич, к.и.н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
lilivin@mail.ru; DeTample@yandex.ru*

КОЧЕВЫЕ ОБЩЕСТВА ЯКУТИИ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ XX ВЕКА

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Социально-экономические и этнокультурные процессы в Азиатской Арктике XX-XXI вв.: опыт научного изучения, адаптации и взаимодействия социальных общностей», а также в рамках проекта РГНФ № 17-11-14003 а(р).

В настоящей статье под общностями коренных малочисленных народов Севера Якутии – эвенков, эвенов, долган, юкагиров, чукчей мы подразумеваем не только официально зарегистрированные в разное время, но и все социальные семейно-родственные или иные совместно номадические сообщества. Они могут дифференцироваться по численности членов и по масштабам хозяйственной деятельности, но все они сохранили и до настоящего времени удерживают кочевание как уклад и образ жизни. Традиционное хозяйство коренных

малочисленных народов Севера Якутии продолжает оставаться в фокусе внимания исследователей [2; 5; 6; 10]. Эволюцию взглядов по данной проблеме в отечественной историографии здесь можно охарактеризовать следующим образом. На рубеже XIX-XX вв. в солидных академических исследованиях впервые кочевничество было освещено как форма жизнедеятельности, обусловленная природно-климатическими условиями Севера. Часть ученых подчеркивала, что подобная адаптация является успешной и не требует реформ и интервенций [9; 18-20]. Впоследствии в научной литературе возобладала под идеологическим давлением иные взгляды на судьбы коренных малочисленных народов Севера. В советской историографии доминировала концепция искоренения кочевого образа жизни аборигенов как социально-экономического атавизма, мешающего социалистическому прогрессу. В постсоветский период произошел пересмотр научных взглядов на жизнь северян как на самостоятельную и самоценную социальную реальность [15, с. 98-115].

Удивительно, что кочевничество как образ жизни сохранилось в Якутии в начале XXI века при том громадном государственном прессинге, который был оказан в предыдущий исторический период. С учетом того, что в царской России официальные власти не ставили задачу искоренения кочевания, можно сказать, что период крупных потрясений и вызовов для традиционного образа жизни коренных северян связан с советской эпохой. Именно советская власть добилась сначала обобществления северных хозяйств, ликвидации частной собственности в экономике Севера, затем объявила ликвидацию нomaдизма у местных народов важной политической и социально-экономической задачей государства.

Первый натиск на традиционный мир кочевников – оленеводов и охотников – был предпринят в годы упрочения советской власти и развертывания социалистических реформ в экономике и политике страны. В Якутии переустройство уклада и образа жизни аборигенов на социалистический лад происходило через фактическое огосударствление хозяйственных занятий. Реализация политики коллективизации сельского хозяйства и промыслов на Севере республики немного запаздывала в сроках по сравнению с центральными и южными районами. Обобществление традиционного хозяйства в северных и национальных районах Якутии было проведено поэтапно в течение 1930-х гг. [16].

Несмотря на прямой административный нажим и политическое давление, не сразу удалось добиться целей коллективизации. Как показала практика, кочевые общины оленеводов и охотников сопротивлялись попыткам местных властей объединить частные хозяйства в коллективные. Несмотря на штрафные санкции и реальность репрессивных мер, обобществление поголовья оленей и промысловых средств в национальных районах шло медленно. Специалисты по аграрной истории Якутии подчеркивают как принудительный характер коллективизации, так и протестное поведение северян [7].

Исход кочевых семей коренных малочисленных народов Севера из обжитых мест был проявлением сопротивления принудительной коллективизации в Якутии. По всей видимости, неприятие политики властей местным населением стало причиной появления известного постановления ЦК КПСС 1932 года «О формах коллективизации в регионах коренных народов Севера». Показательно, что областная партийная организация Якутии приняла резолюцию, согласно которой в качестве основной формы коллективизации во всех национальных и северных районах республики рекомендовалось простое товарищество. Коллективные хозяйства с высоким уровнем обобществления средств производства были признаны преждевременными в условиях Севера. Но даже при простейшей форме кооперации и больших административных усилиях в ряде северных районов степень коллективизации была невысокой. Так, официальная статистика 1935-1936 гг. отражает показатель на уровне 49-50% всех имеющихся хозяйств [12]. Данные цифры также могут быть условными, с учетом стремления локального руководства и активистов в отдаленных труднодоступных районах любой ценой отчитаться перед вышестоящей властью.

В этом свете наблюдается особый драматизм последующего – заключительного этапа отчуждения частной собственности и хозяйственной самостоятельности кочевых общин Якутии в ходе форсирования коллективизации в 1939-1940 гг. На самом высшем уровне было принято решение ускорить по всей стране темпы коллективизации. Об организационных усилиях администрации можно судить по результатам данного форсирования на Севере Якутии: к декабрю 1939 г. в крупных северных районах уровень коллективизации достиг показателя около 90% [8, с. 250]. В районах проживания кочевых этносов было проведено беспрецедентное обобществление собственности. В коллективное пользование были изъяты десятки тысяч голов оленей, лошадей, ездовых собак и охотничьего и рыболовецкого инвентаря. «Обобществлялись» промысловые участки, пастбища и прочие земельные угодья. В послевоенный период коллективизация была полностью завершена в самых отдаленных и труднодоступных местах проживания кочевых общностей. Впоследствии было отмечено, что проводимая властями политика привела к утрате коренными народами своей этнической самобытности, навыков традиционных занятий охотой и рыболовством, а также к обезлюдиванию одних территорий и перенаселению других [14, с. 76].

Социально-экономические преобразования в 1930-1940-е гг. оказали значительное влияние на образ жизни коренных малочисленных этносов Якутии, но наиболее разрушающим культурную ценность северного кочевания процессом стала последующая реализация политики перевода кочевых народов на оседлость. В Якутии наиболее масштабные шаги этого растянувшегося по времени процесса были предприняты во второй половине XX в., когда существенно изменилось пространство всей жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера республики. Мы разделяем мнение специалистов, что сложность перевода населения Севера на оседлый образ жизни заключалась в двойственности поставленных задач. Оленеводы и охотники должны были переходить от кочевания к стационарному проживанию в поселках. Но при этом ставилась задача сохранения традиционных отраслей хозяйства как эффективно использующих биологические ресурсы Севера во благо советской экономики. Подобная амбивалентность сегодня выглядит алогичной,

неразрешимой, но разработанные государственные программы планомерно внедрялись в жизнь в течение 1960-х – первой половины 1980-х гг. В повседневной жизни представители коренных этносов Якутии сталкивались с непростым выбором: отказаться от традиционного кочевания во имя определенного комфорта или сохранить кочевой уклад и образ жизни как ценное наследие предков [17, с. 28].

Процесс перевода кочевников Якутии на оседлость был также усугублен эскалацией промышленности на земли традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера. Государственные приоритеты индустриальных проектов заново «перекраивали» границы земель. В комплексе с идеологией искоренения кочевничества как исторического пережитка такое наступление на данный образ жизни практически «ставило крест» на нем. Разрушение уклада жизни, института кочевой семьи и разрыв поколенческих отношений, падение престижа традиционного образа жизни – только часть социальных потерь кочевников в процессах «поселкования и оседания». Для аборигенных этносов Якутии наступил критический этап развития.

Следует отметить, что седентаризация на Севере была одним из самых дорогостоящих социальных проектов Советского государства. Сегодня видно, что в программы оседания кочевников были вложены крупные инвестиции. Одно только направление жилищного строительства требовало значительных средств, с учетом специфической дороговизны завоза материалов, техники и рабочей силы, а также самого процесса строительства в условиях Крайнего Севера. Нужно было строить новые поселки со всей инфраструктурой, объектами социальности, транспортной сетью, обеспечить рабочими местами всех перешедших на стационарное проживание. В идеале планировалось обеспечить вчерашних кочевников комфортабельным жильем, организовать общеобразовательное и профессиональное обучение членов семей. Сложнейшая комплексная задача перевода на оседлость в реальности обернулась долгим и болезненным процессом отрыва от традиционного образа жизни [4].

Но, несмотря на все попытки государства перевести всех северных кочевников на оседлый образ жизни, данный процесс происходил медленно в силу того, что традиционные отрасли хозяйства являлись наилучшим способом эффективного использования ресурсов в местных условиях. Кочевание как бытовое, так и производственное, продолжало существовать на огромных территориях Арктики и Сибири на протяжении всей второй половины XX в., что продемонстрировало определенную устойчивость кочевого хозяйства коренных народов Севера.

После коллапса советской власти на рубеже 1980-1990-х гг. начался тяжелый экономический кризис, повлекший за собой сокращение числа промышленных предприятий на территории Якутии. К этому времени малочисленные народы, уже адаптировавшиеся к советской экономической системе, опять оказались в новой и непривычной для себя ситуации. Их положение усугублялось общей деградацией советской социальной модели. В результате закрытия большинства индустриальных комплексов была ликвидирована система государственного медицинского, культурного, торгового, бытового и транспортного обслуживания оленеводов и промысловиков, ведущих кочевой и полукочевой образ жизни в местах производственной деятельности.

Закрытие предприятий промышленности, транспорта, строительства также привело к массовой ликвидации рабочих поселков и оттоку населения в другие регионы. Этот фактор подорвал внутренний рынок сбыта продукции оленеводства и промыслов. Государственные целевые программы по экономическому и социальному развитию народов Севера не достигали нужного результата, а принимаемые на федеральном уровне социальные программы из-за отсутствия финансирования систематически оставались нереализованными.

В связи с резким ухудшением социально-экономического положения сельского населения в Якутии значительно возросла внутренняя миграция. Жители сел массово стали переезжать в города и крупные поселки. Сложившаяся неблагоприятная демографическая ситуация привела к тому, что значительно активизировались процессы ассимиляции, социальной дезадаптации и дестигматизации. Проживание среди многократно превосходящего по численности населения при резком сужении языковой среды, отсутствии традиционного субкультурного окружения способствовало ускорению процессов утери национальной и социальной идентичности.

Данные условия и вызовы вынуждали кочевые сообщества Якутии искать новые пути для скорейшей адаптации в сложившейся ситуации. Одним из таких путей стало возвращение к прежним, досоветским формам ведения хозяйства – родовым общинам. Первые родовые общины были образованы уже в 1990 г. Их воссоздание стало одной из форм возрождения традиционного хозяйствования кочевников. Со временем общины стали новым субъектом правовых отношений в Якутии. Наибольшее количество родовых общин было образовано в 1990-1992 гг. Если к концу 1991 г. насчитывалось 12 общин, то к 1 июля 1992 г. было зарегистрировано уже 70 [3, с. 37]. К концу десятилетия, в 1999 г. в Республике Саха (Якутия) насчитывалось 208 родовых общин, которым принадлежало 48 млн га земли для ведения традиционных отраслей хозяйства [13, с. 202].

Общины получили широкое распространение у эвенов, эвенков, чукчей и юкагиров, но почти все они столкнулись с экономическими трудностями. Вследствие неравнозначности цен на продукцию промышленных отраслей и аграрного сектора оленеводство, охотничий и рыбный промыслы оказались повсеместно убыточными. Тяжелое положение родовых общин народов Севера повлекло за собой и проблемы с занятостью. Произошло сокращение численности работников традиционных отраслей в ходе деструкции товарного производства. Возникшие мелкие предприятия различных форм собственности, родовые и семейные общины большей частью превратились в натуральные хозяйства. Для решения накопившихся проблем лидерами кочевых сообществ в 1992 г. был образован Совет глав родовых общин. Его основной целью являлась защита интересов и координация хозяйственной деятельности родовых общин [11, д. 118, л. 14]. Позднее, в апреле 1997 г., Совет был перерегистрирован как Союз родовых, родоплеменных кочевых общин малочисленных народов Севера [Там же, д. 126, л. 46].

Политические власти Якутии, получившие после развала СССР большую свободу от центра, также оказывали содействие кочевникам в их стремлении к созданию родовых общин. В этот период начала создаваться

законодательная база защиты прав коренных малочисленных народов. В 1992 г. одним из первых в России в Республике Саха (Якутия) был принят закон «О кочевой родовой общине малочисленных народов Севера». В нем было официально дано определение родовой общины, описаны ее статус и цель. Кочевым общинам, семьям и отдельным представителям малочисленных народов Севера в местах проживания и хозяйственной деятельности предоставлялось преимущественное право заключения договоров и получения лицензий на использование возобновляемых биологических ресурсов. Принятие закона, таким образом, демонстрировало признание властями коллективного права малочисленных народов на владение своими историческими землями. Но еще более важным являлся тот факт, что кочевой образ жизни больше не считался «отсталой формой ведения хозяйства» и получил свое право на существование.

Якутия стала также первым субъектом России, в Конституции которого утверждалось право малочисленных народов Севера на создание национальных административно-территориальных образований. В отличие от советского периода, когда освоение природных ресурсов происходило без учета мнения коренного населения, в 1990-е гг. перед властями и промышленными предприятиями появилась необходимость согласования и регулирования вопросов недропользования. Законодательная база, сложившаяся в 1990-е гг., в значительной мере предохраняла кочевые сообщества Якутии от негативных последствий промышленного освоения, свойственных «эпохе социализма». Но следует отметить, что еще одним объективным «защитником» территорий коренных народов стал общий экономический кризис в России тех лет. Сокращение площадей индустриального освоения соответственно уменьшало уровень его воздействия на традиционную культуру кочевников. Неслучайно, несмотря на социально-экономические проблемы, период 1990-х гг. многими исследователями отмечен как время «этнического ренессанса» и культурного возрождения аборигенов Севера.

Но уже в 2000-е гг. по мере восстановления экономики в России промышленная активность на территории Якутии начала постепенно возрастать. Крупные проекты по добыче и транспортировке нефти, газа, угля и алмазов, охватившие прежде всего западные и южные районы, «перезагрузили» комплекс проблем, преследовавших кочевые сообщества Якутии на протяжении всего XX в. При этом следует отметить, что традиционные модели взаимоотношения власти, промышленности и коренных народов в начале нового тысячелетия находятся в новых условиях. Отсутствие государственной монополии на добычу природных ресурсов из недр Якутии, активная деятельность частных, негосударственных (или полугосударственных) бизнес-структур создают совершенно иную, непохожую на прежние формы отношений социально-экономическую и политическую ситуацию. Необходимость в развитии отношений и налаживании коммуникации между кочевыми аборигенными сообществами – с одной стороны, частными, а также государственными корпорациями – с другой и политическими властями – с третьей ставит представителей малочисленных народов в принципиально новое положение.

Таким образом, на протяжении всего XX в. общины коренных народов Севера, ведущие кочевой образ жизни, неоднократно становились объектом внимания со стороны властей. Отрицание нomaдизма как формы социальной жизнедеятельности этнических меньшинств предопределило негативное отношение советского государства ко всем проявлениям кочевничества. Это неприятие проявлялось в стремлении переустройства традиционного уклада жизни аборигенов путем его перевода на социалистический путь развития. Фактически же это обернулось всеобщим огосударствлением хозяйственных занятий, проводившимся в течение 1930-х гг., и реализацией политики перевода кочевых народов на оседлость на протяжении второй половины XX в. Но, несмотря на «прессинг» властей, бытовое и производственное кочевание проявило устойчивые качества и сумело сохраниться до конца советской эпохи. В постсоветское время малочисленные народы Якутии вынуждены были столкнуться уже с трудностями переходного периода, но при этом новая государственная политика не несла в себе неприятия кочевого образа жизни, характерного для советского периода.

Рассматривая судьбы кочевых общин народов Севера Якутии, нельзя не согласиться с мнением антропологов, что «целостное осмысление культурной самобытности кочевых народов важно для решения проблем их современной самоидентификации, а также для позиционирования относительно глобальных изменений, происходящих в мире», что необходимо не только освещать этнокультурные процессы, но и «исследовать общие этнофилософские основания картины мира кочевых народов, выявить скрытые механизмы, определяющие их культурную идентичность, возможные “сценарии” ее дальнейшего развития» [1, с. 295]. Устойчивость кочевой культуры на Севере Якутии служит бесспорным свидетельством ее глубоких исторических корней, ее ценности как самостоятельной модели социальной эволюции.

Список источников

1. **Бадмаев В. Н.** Номады XXI века: к методологии исследования // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (г. Ижевск, 3-6 июля 2017 г.) / отв. ред.: А. Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. М. – Ижевск: ИЭА РАН; УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 295-296.
2. **Головнев А. В., Перевалова Е. В., Абрамов И. В., Куканов Д. А., Рогова А. С., Усенюк С. Г.** Кочевники Севера: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург: Типография «Альфа Принт», 2015. 132 с.
3. **Горохов С. Н.** Родовые общины – последний шанс на выживание и сохранение народов Севера как самостоятельных этносов // Человек и Север: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития: в 3-х ч. Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 1992. Ч. 2. С. 35-39.
4. **Донской Ф. С.** Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века: в 3-х т. Якутск, 2002. Т. 1. 340 с.
5. **Истомин К. В.** Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: снеговая революция и рыночная реставрация // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 17-25.

6. **Карлов В. В.** Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 131-153.
7. **Ковлеков С. И.** Коллективизация томпонских эвенов // Человек и Север: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1993. С. 112-116.
8. **Коллективизация сельского хозяйства Якутской АССР (1928-1940 гг.).** Якутск: Кн. изд-во, 1978. 263 с.
9. **Майдель Г. Л.** Путешествие по Северо-Восточной части Якутской области в 1868-1870 годах. СПб.: Изд. Императорской Академии наук, 1894. 599 с.
10. **Мартынова Е. П.** Оленеводы Ямала и рыночная экономика: взгляд антрополога // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2014. № 1 (82). С. 46-50.
11. **Национальный архив Республики Саха (Якутия).** Ф. 861. Оп. 8.
12. **Санникова Я. М.** Традиционное хозяйство Севера Якутии в условиях трансформаций XX века: оленеводство на Колыме через призму времени // Научный диалог. 2016. № 7 (55). С. 215-229.
13. **Сирин А. А.** Закон и жизнь (опыт законодательного урегулирования традиционного природопользования в Республике Саха (Якутия)) // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М.: Стратегия, 2000. С. 196-211.
14. **Сулейманов А. А.** Юкагирская комплексная экспедиция 1959 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 74-78.
15. **Сулейманов А. А.** Якутия и международное научное сотрудничество в Арктике в конце XX столетия. Новосибирск: Наука, 2012. 166 с.
16. **Тарасов И. А.** КПСС – организатор социалистического преобразования хозяйства малых народностей Севера. Якутск: Кн. изд-во, 1967. 175 с.
17. **Филиппова В. В.** Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. Новосибирск: Наука, 2007. 176 с.
18. **Bogoraz W.** The Chukchee // Memoirs of the Jesup North Pacific Expedition. Leiden: E. J. Brill; N. Y.: G. E. Stechert, 1904-1909. Vol. 7. 276 p.
19. **Johelson W.** Peoples of Asiatic Russia. N. Y.: The American Museum of Natural History, 1928. 277 p.
20. **Klokov K.** Reindeer Herders' Communities of the Siberian Taiga in Changing Social Contexts // Sibirika. 2016. № 1. P. 81-101.

NOMADIC COMMUNITIES OF YAKUTIA IN THE SOCIAL PROCESSES OF THE XX CENTURY

Vinokurova Liliya Innokent'evna, Ph. D. in History
Grigor'ev Stepan Alekseevich, Ph. D. in History
*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
lilivin@mail.ru; DeTample@yandex.ru*

In the presented work the authors consider the history of root nomadic communities of Yakutia in the conditions of social-economic and political transformations of the XX century. The article highlights the most important state initiatives aimed at changing the social conditions of the northern nomads, as well as outlines the main results of the policy implemented in their relation. It is noted that the traditional way of life of nomadic communities has deep historical roots and any interference carries in itself serious threats to their ethno-cultural stability and security.

Key words and phrases: social history; nomadic communities; indigenous peoples of the North; Yakutia; collectivization; sedentarization; ancestral communities; commercial exploitation.

УДК 930.26+39

Исторические науки и археология

В статье представлены результаты этноархеологических исследований керамики из памятников эпохи неолита-средневековья юга Дальнего Востока России. Предлагаются количественная оценка керамических комплексов и их пространственное распределение в культурных отложениях поселений и городищ. Рассматриваются основные направления этноархеологических исследований в области изучения керамики. Оцениваются возможности этноархеологического подхода к изучению керамики из древних и средневековых поселений.

Ключевые слова и фразы: этноархеология; археологическая керамика; юг Дальнего Востока; городища и поселения; домохозяйства.

Гельман Евгения Ивановна, к.и.н., доцент
*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток
gelman59@mail.ru*

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ

Введение

Количественная оценка керамических коллекций имеет несколько наиболее важных последствий для археологических реконструкций. Мы получаем возможность проследить, как формируются керамические